

Владимир Канаев

Муха в паутине

18+

Владимир Капаев

Муха в паутине

«Автор»

2026

Капаев В.

Муха в паутине / В. Капаев — «Автор», 2026

Она всегда считала себя правой. Сына спасла от армии, от милиции, от тюрьмы. Муж сел за её же подсказку. Собственных родителей не видела двадцать лет — обида была сильнее. Она жила в грязи, в пьяном угаре и в лжи самой себе, пока однажды не проснулась на больничной койке с парализованной половиной тела и немым ртом. И тогда в палату вошла её девяностотрёхлетняя мать, чтобы простить. Но для покаяния осталось всего несколько минут. «Муха в паутине» — пронзительная психологическая драма о том, как годы самообмана оборачиваются одним ударом, как любовь превращается в ненависть, и как последнее слово, которое ты успеваешь подумать, оказывается самым важным в жизни. Можно ли разорвать паутину, когда руки уже не двигаются? И стоит ли бороться за жизнь, если за неё уже некому держаться?

© Капаев В., 2026

© Автор, 2026

Владимир Капаев

Муха в паутине

Муха билась в паутине над окном. Стекла давно не мыты, и свет сквозь них проходил мутный, вечерний. Галина Степановна долила в стакан последнее из бутылки — на донышке булькнуло и всё. Выпила. Посмотрела на карниз, что держался на одном гвозде, а другой конец оторвался и висел.

— Надо бы, — сказала она вслух, — когда-нибудь.

Она помнила, как ходила в магазин, смотрела на карнизы и цены. И ничего не купила. Лучше уж две бутылки взять, чем эти деньги отдавать. Там хоть толк есть, а от карниза — один смех.

За стеной, на балконе, раздавался чужой смех и голоса. Галина Степановна поморщилась, поставила стакан, встала. У неё в груди что-то ёкнуло — то ли от водки, то ли от обиды.

— Шалавы, — сказала она негромко. — Опять.

Вышла на балкон. Дверь ходила ходуном на одной петле — тоже, поди, ремонта просила. Внизу, на лавочке, сидели молодые, пили из банок, ржали. Галина Степановна перегнулась через перила, плюнула вниз и крикнула хрипло:

— Эй, алкашня! Пошли вон отсюда, чтобы духу вашего не было!

Снизу донеслось: — А ты сама-то трезвенница? Иди, проспись, бабуля!

Она погрозила кулаком, но кричать больше не стала — только сплюнула ещё раз и ушла в комнату. На столе валялся пакет. Взяла его, пошла в ванную. Там — зеркало в разводах, в паутине, как и всё вокруг. Она глянула в него и остановилась. На неё смотрела женщина, старая, растрёпанная. Глаза красные, под ними мешки. Волосы — как пакля.

— Надо бы покраситься, — сказала она себе. — Да когда уж...

Вдохнула, провела по голове рукой. В ванне — сухо, пауки уже жильё себе обустроили. Кран капал, и на раковине тянулась коричневая полоса от капель. Морщины у рта глубокие, будто кто-то ножом прорезал.

— А я ещё ничего, — сказала она тихо. — Шестьдесят шесть — не возраст.

Вспомнила вдруг, зачем пришла. Набрала в пакет воды, вышла на балкон и швырнула вниз, не думая. Пакет шлёпнулся, снизу донеслись крик, мат, визг. Она услышала и улыбнулась. Вернулась к столу, села. На столе — корка хлеба, пустая консервная банка, бутылки. Голова стала тяжёлой, в глазах помутнело. Она положила голову на руки и заснула. А муха всё билась в паутине. И никто не знал, сколько ей ещё биться.

Она очнулась от того, что в голову будто кирпичом съездили. Разлепила глаза — а над ней сын стоит, рожа — как неструганый чурбак.

— Ты чего разлеглась-то? — говорит, а сам усмехается криво.

Галина Степановна заворочалась, подняла мутную голову.

— Явился, — вымолвила недовольно, будто не ждала.

А он уже пакет на пол бросил, присел на диван, что у стола стоял. Покопался в пакете, выставил на стол бутылку, банку пива, кусок колбасы, баночку солений. Пепельницу, полную бычков, отодвинул рукой — небрежно, будто муху смахнул.

— Мамуль, — говорит сквозь зубы, — ты бы хоть на столе прибрала. Смотреть тошно.

Галина Степановна — баба горячая, всегда была такая. Слово за слово — и понеслось.

— Я себя плохо чувствую, — говорит, — некогда мне уборки твои разводить.

— А водку лакать — время есть? — сын аж подался вперёд, глазки злые прищурил.

— Пью за свои, — огрызнулась она. — А ты на моей шее сидишь, бездельник.

Максим как услышал это — будто его кипятком ошпарили. Молча откупорил водку, налил себе и ей. Мать не стала кривиться, взяла стакан и — раз! — опрокинула. За ней и сын. Помолчали. Закурили.

— На шее сижу, значит, — заговорил он вдруг, и голос стал обиженный, тонкий, не мужской. — А кто меня юристом сделал? Ты! Я артистом хотел быть, а ты запретила. Ты во всём виновата.

— Какой артист, — мать аж поперхнулась дымом. — Ты в зеркало на свою морду посмотри!

— Не груби, — тихо сказал Максим, но так, что по спине холодок пробежал. — А то схлопочешь.

Но Галину Степановну уже понесло. У неё характер такой — слово за слово, как спичка чиркнет, так и полыхнет.

— Да ты без меня никто! — закричала она. — Я для тебя жизнь прожила!

— Что ты мне дала? — отмахнулся он брезгливо. — Только унижение.

— Свинья неблагодарная! — и как стукнет кулаком по столу, что посуда подскочила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.